

На правах рукописи

**Алидарова
Радмила Имираслановна**

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ, АСПЕКТА,
АКЦИОНАЛЬНОСТИ ПРИ ПРЕОБРАЗОВАНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ
ФОРМ ЛЕЗГИНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

Махачкала 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования
«Дагестанский государственный педагогический университет».

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Эфендиев Исафил Исаилович

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Шихалиева Сабрина Ханалиевна
кандидат филологических наук, доцент
Алисултанов Алисултан Султанмурадович

Ведущая организация – Дагестанский государственный университет

Защита диссертации состоится 5 марта 2009 г.; в 16 часов, на заседании диссертационного совета Д 212. 051. 01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Дагестанском государственном педагогическом университете по адресу 367003, Республика Дагестан, г.Махачкала, ул. М.Ярагского, 57, ауд. 140.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Дагестанского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан и размещен на сайте ГОУ ВПО «ДГПУ» (www.dgpi.ru) « 3 » февраля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.О. Таирова

Общая характеристика работы. В диссертационной работе рассматриваются видовременные формы глаголов лезгинского языка в сопоставлении с видовременными формами глаголов английского языка. Диссертация относится к области исследования контрастивной аспектологии и акциональности в русле функциональной грамматики.

Актуальность темы и степень ее изученности. Способы описания взаимодействия грамматических категорий постоянно привлекают внимание ученых разных стран, поскольку эти вопросы не имеют однозначного освещения ни в специальных исследованиях по английскому языку, ни в специальных исследованиях по лезгинскому языку. Тем более эта тема почти не затронута в работах сопоставительного плана. Сопоставительное исследование видовременных категорий и категорий способа действия в формах глаголов активно проводится на материале разных языков. [Недялков 1987, Татевосов 2005, и др.]. В наши дни проблемы описания вида и времени в залогах дагестанских языков [Маллаев 1998, Халилов 2000, Эльдарова 2000 и др.] расширяют географию исследования, привлекая к сопоставлению материалы разносистемных языков. [Бугарева 2000, Керимов 2002, Алипулатова 2007]. Ведущие исследователи дагестанских языков редко ранее обращались к проблемам разграничения семантики вида и способа действия в глагольных словоформах. Представленные в формах глаголов русского языка, эти категории оказались морфологически иначе выраженными в других языках. Понадобились усилия ученых разных стран, чтобы контрастивная аспектология оформилась как самостоятельный ракурс исследования материала разносистемных языков. [Керимов 2002, Татевосов 2005].

В лезгинском языке проблемы категории времени и вида непосредственно исследуются в двух монографиях. В монографии Н.С. Алипулатовой [2007] проведен обстоятельный анализ корреляций семантики видовременных форм глаголов лезгинского и английского языков. В монографии не предусматривалось описание семантики вида, отграниченного от исследования категории способа действия и от форм выражения темпоральности.

Теория контрастивной аспектологии была разработана К.Р. Керимовым на материале русского и лезгинского языков. [Керимов 2002]. К.Р. Керимов всесторонне исследовал проблемы вида в русском и лезгинском языке и описал свое видение функции и семантики аспекта (вида) в лезгинском языке. В монографии видовые оппозиции лезгинского глагола впервые представлены как семантика и функционирование категории вида и способа действия в парадигме глагольных форм. Вместе с тем автор «вывел» вид за пределы словообразования, поскольку в лезгинском языке его обслуживает категория способа действия. Таким образом, видовые оппозиции в лезгинском языке оказались ограниченными только рамками грамматики. Это означает, что в лезгинском языке существует только морфологически единая видовая оппозиция. Важно выделить утверждение автора о том, что

видовые оппозиции в лезгинском языке связаны с отсутствием класса глаголов *imperfective tantum* и *perfective tantum*.

Упомянутые проблемы подчеркивают актуальность темы данной работы. Несомненно, что описание типов видовых оппозиций является необходимым этапом развития теории аспектуальности, особенно в свете описания подобных явлений в разносистемных языках, таких как английский и лезгинский. Здесь нет единого мнения в рассмотрении парадигмы глагольных форм, отсутствует единое мнение о функции и семантике категории времени, вида и способа действия.

Актуальным в нашем исследовании является попытка провести единообразное описание взаимодействие названных категорий в глагольных формах разносистемных языков. Актуальной становится разработка понятийного аппарата для адекватного описания полевой структуры категории вида и времени в разных языках, ее ядра и фоновых показателей. Не менее актуальным является и изучение морфологических оппозиций различного типа (морфологических, деривационно-морфологических, лексико-грамматических), взаимосвязанных в парадигме глагольных форм. Назрела необходимость описания:

- 1) статике и динамике преобразования словоформ в глагольной парадигме;
- 2) разграничения количественной и качественной характеристики способов действия, взаимодействующих с характеристикой категории вида и времени в глагольной словоформе;
- 3) взаимосвязи между семантикой взаимодействующих грамматических категорий с лексикой, грамматикой, синтаксисом и словообразованием.

Подобный подход к рассмотрению научного и практического материала обуславливает актуальность и новизну данного исследования, предопределяя его объект и предмет.

Объект исследования составляют глагольные формы в лезгинском и английском языках, несущие информацию о категориях вида, времени и способа действия.

Предмет исследования: категории времени, вида и способа действия в парадигмах глагольных форм, а также взаимодействие этих категорий при преобразованиях глагольных словоформ.

Цель исследования заключается в выявлении путей и способов системной организации взаимодействия названных категорий в парадигме глагола при преобразованиях его форм.

Гипотеза исследования. Рассмотрение взаимодействия категории вида, времени, способа действия при преобразовании глагольных форм будет более эффективным, если разграничить мотивацию и выводимость их свойств в сфере лексики, грамматики, синтаксиса.

Цель, гипотеза исследования, а также специфика материала определяют **задачи исследования:**

- 1) описать механизм организации темпоральности в формах глаголов английского и лезгинского языков, провести их сопоставление;
- 2) уточнить видовые оппозиции в глагольных формах лезгинского и английского языков;
- 3) описать взаимодействие категорий вида и времени в глагольных формах лезгинского языка;
- 4) рассмотреть простые и сложные по форме глаголы в свете взаимодействия категорий вида и способа действия при их образовании.

Научная основа исследования. Использование моделей, схем, таблиц при описании материала ориентировано на концепции функциональной и когнитивной грамматики, которые представлены в теории аспектологии и акциональности, разработанной отечественными и зарубежными учеными. [Теория функциональной грамматики А.В. Бондарко, Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Т. 1-3, МГУ 1997-2001; Типология вида 1998; Comrie 1976; Vender 1967; Hopper, Thompson 1980 и др.]. Используется научный и практический материал работ отечественных и дагестанских ученых по теме исследования. [Абдулмуталибов 1997, Алипулатова 2007, Алексеев 1985, Гаджиев 1954, Гайдаров 1987, Гюльмагомедов 1975, Маслов 1984, Бондарко 1983, Брой 1998, Падучева 2001, Керимов 2002, Топуриа 1959, Шихалиева 2005 и др.].

Материал исследования. Примеры извлечены из существующих словарей лезгинского языка (двуязычных, школьных, фразеологических, отраслевых, специализированных), из произведений художественной литературы, специальных научных публикаций различных авторов.

Методы исследования определены целями, гипотезой, задачами работы, технологией анализа материала. Анализ ориентирован на описание алгоритма взаимодействия вида, времени и способа действия при преобразовании глагольных форм. Применялся эмпирический метод, элементы качественного анализа данных, приемы структурного и сопоставительного методов анализа материала.

Научная новизна исследования. На основе исследования практического материала впервые представлены:

- 1) модель полевой организации темпоральности и аспекта в глаголах лезгинского и английского языков;
- 2) выявлено взаимодействие аспекта и акциональности в форме глагола лезгинского языка;
- 3) выделены типы морфологических оппозиций в парадигме глагольных форм, связанные с семантикой вида и способа действия;
- 4) уточнены критерии описания предельности/непредельности в описании способа действия и семантики вида;
- 5) представлены схемы взаимодействия категорий вида, времени, способа действия при преобразовании глагольных форм;
- 6) доказано участие словообразовательных явлений в формировании семантики вида и способа действия у сложных глагольных образований.

Теоретическая значимость исследования. В работе описаны морфологические оппозиции, связанные с взаимодействием времени, вида и способа действия в глагольных формах при их преобразованиях. Описание материала раскрывает полевую структуру грамматических категорий вида и времени, их «выход» за пределы изолированной словоформы глагола, что имеет важное значение для теории аспектологии. Выявлены и описаны связи и отношения между формой и содержанием глаголов, передающих семантику вида и способа действия средствами морфологии, синтаксиса, словообразования. Доказано, что взаимодействие формальных и содержательных компонентов глагольных форм обусловлено строением лезгинского языка как целого.

Практическая значимость исследования. Материал, введенный в корпус диссертации, можно использовать в практике преподавания лезгинского и английского языков в высшей и средней школе. Он интересен специалистам, которые занимаются теорией аспектологии как в отдельных языках, так и в сопоставительном плане. Практический материал применим при обучении неродным языкам в многонациональной аудитории. Данные диссертационного исследования могут найти применение в спецкурсах по лексикологии, грамматике, словообразованию различных языков, а также при их типологическом и структурном исследовании.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Теоретическая разработка вопросов, связанных с описанием поля темпоральности лезгинского и английского языков.

2. Алгоритм преобразования семантики в парадигме глагольных форм, ведущих к видовым оппозициям.

3. Практическая реализация разработанного алгоритма описания видовых оппозиций в парадигме глагольных форм лезгинского и английского языков.

4. Сопоставительный анализ результатов исследования, доказывающих многообразие морфологических оппозиций в глагольных формах взаимодействием категорий времени, вида и способа действия.

5. Обусловленность взаимодействия грамматических категорий фактами строения языка, его морфологией, лексикой, словообразованием, синтаксисом.

6. Английский язык в парадигме словоформ одного глагола противопоставляет по категории вида прогрессив/непрогрессив. Лезгинский язык обладает полевой структурой аспекта, разграничивая преобразования форм глагола как морфологическую деривацию и лексико-грамматическую деривацию.

7. Сложность организации формы и содержания глагола ведет к сложности взаимодействия грамматических категорий в парадигме глагольных форм.

Апробация и публикация. Работа выполнялась на кафедре дагестанских языков Дагестанского государственного педагогического университета. Отдельные главы работы и основные положения обсуждались на заседаниях данной кафедры и на заседаниях кафедры английской филологии. Полученные выводы доложены на межвузовских и региональных конференциях (Региональные научно-практические конференции в ДГПУ,

ДГУ, в институте повышения квалификации педагогических кадров в мае 2006г. и в мае 2007г., опубликованы статьи и тезисы докладов).

Объем и структура диссертации. Диссертация объемом в 161 страницу компьютерного набора состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Выводы представлены по каждой главе.

Основное содержание работы. Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи, указываются методы и приемы проведения работы, отмечается научная новизна и теоретическая значимость исследования.

Глава I. Темпоральные комплексы глагольных форм лезгинского и английского языков. Теоретические грамматики английского языка описывают парадигму глагольных форм как видовременную. Такое же положение существует и в характеристике глагольных форм лезгинского языка. Естественно сравнить организацию темпорального комплекса глагольных форм одного и другого языка, не выделяя первоначально присутствие в них категории вида. Два параграфа данной главы содержат описание темпоральности глагольных форм в одном и другом языке, а первый параграф характеризует концепт «время» и поле темпоральности.

Время наряду с пространством входит в число бытийных категорий. Механизм отражения реального времени в языке еще недостаточно ясен, но в его описание включают следующие признаки: субъективную реальность, длительность и краткость действия, его предельность [Guillaume G. 1973: 47]. Система английского языка по отношению к совокупности данных признаков определяется как открытая. В ней лингвистическое настоящее является дискретным, подвижным. Оно легко ассоциируется с моментом речи в любом временном плане (прошедшее/будущее, предшествование/следование). Система лезгинского языка в сфере темпоральности может быть определена как закрытая. В лезгинском языке связи и отношения между компонентами сообщения ориентированы на субъект. Этой ориентации подчинено и оформление языковых единиц, передающих семантику темпоральности. В английском и лезгинском языках по-разному представлен как грамматический спектр времен, так и их количественный состав.

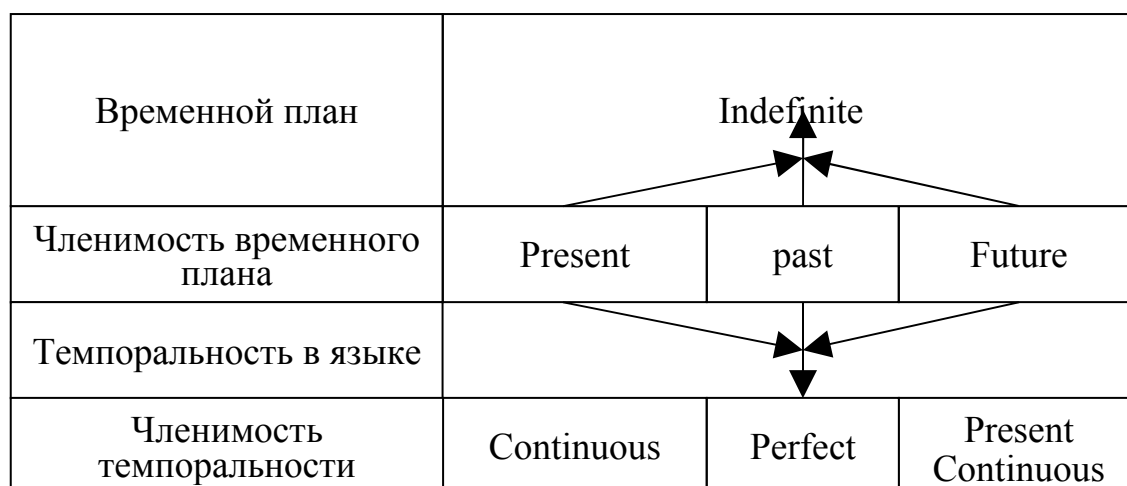
Во втором параграфе данной главы проводится описание темпоральности глагольных форм английского языка, представленной в виде многоступенчатой системы. [Curme 1931]. В диссертации проводится анализ функций Present Simple, Present Continuous, Present Perfect, Present Perfect Continuous, Past Indefinite, Past Perfect, Future Indefinite, Future Continuous, Future Perfect, Future Perfect Continuous.

Сравнивая семантические функции временных глагольных форм английского языка, мы пришли к выводу, что различия в темпоральной интерпретации действия обусловлены либо отбором признаков, положенных в основу сообщения, либо стремлением говорящего уточнить предел варьирования

действия на оси времени. В итоге поле темпоральности глагольных форм английского языка было представлено следующей схемой.

Схема 1

Поле темпоральности глагольных форм английского языка

В поле темпоральности членимость временного плана (Present, Past, Future) взаимодействует с членимостью в языке (Continuous, Perfect, Present Continuous).

Схемы и таблицы, представленные в диссертации, представляют собою статичное описание формы и функции видовременных глагольных форм английского языка.

Темпоральный комплекс глагольных форм лезгинского языка в нашем исследовании выглядит иначе. Мы формализуем описание материала, анализируя его содержание и формы выражения. Такой подход возможен потому, что в лезгинском языке присутствует формальная и содержательная дискретность языковых единиц. Каждому формальному элементу соответствует свое грамматическое значение. Описание парадигмы глагольных форм выполнено исследователями лезгинского языка в разных целях и с разных теоретических позиций [Гаджиев 1940, Талибов 1966, Гайдаров 1987, Шейхов 1993, Мейланова 1991 и др.]. В свое время У.А. Мейланова выделила в парадигме лезгинского глагола 4 стабильные формы, которые можно принять за исходные (ядерные в иной терминологии). Это формы на *-ун* и *-уьн* (масдар), форма на *-з* (абсолютив), форма на *-да* (будущее) и форма с аффиксом *-на* (аорист). Ядерные формы поля темпоральности статичны и их связь с семантикой и смыслом глагола стабильна в тексте сообщения. Так, масдар именуется действием и имеет нулевую временную значимость. Форма на *-з* (деепричастие) связывает действие с планом настоящего, форма на *-д(а)* относит действие в план будущего, а форма с аффиксом *-на* связывает действие с планом прошлого. Можно совместить графическую схему ядра поля темпоральности с производными временными формами.

Ядро поля темпоральности графически обозначено в виде круга с секторами I-V.

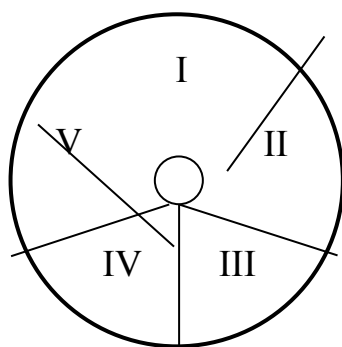

Рис. 1. Ядро поля темпоральности.

Комментарий.

Сектор I – формы с аффиксами *-уьн, -ин* (масдар).

Сектор II – формы с аффиксом *-з* (целевая форма).

Сектор III – формы, меняющие *-з* на *-да* (формы будущего времени).

Сектор IV – формы с аффиксом *-на* (прошедшее время).

Сектор V – формы с аффиксами *-р, -йа, -ей* (причастие прошедшего времени).

Стрелки и прямоугольники указывают количество выводимых временных форм и их функциональную значимость.

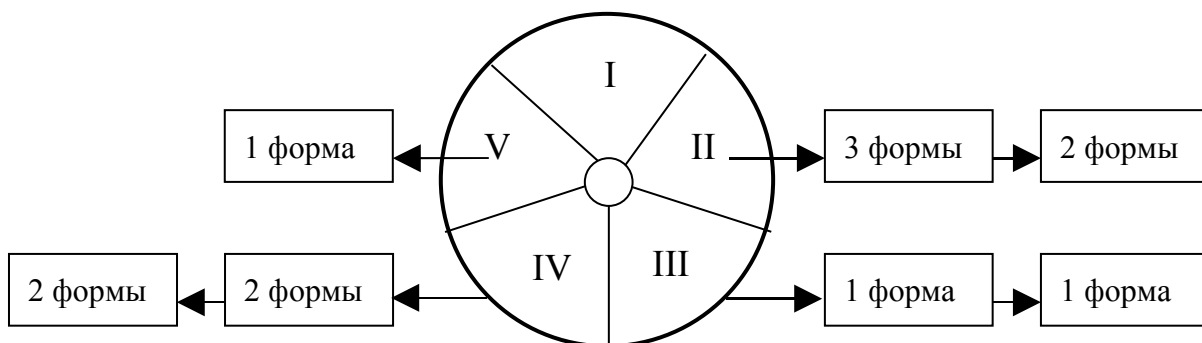

Рис. 2. Связи между исходными и производными морфологическими формами глагола в поле темпоральности.

I сектор круга (масдар) – нет производных форм [К.Р. Керимов 2002]

II сектор круга *[-з]* – 3 выводимые формы:

[-з] + [-ава] → къачузва

[-з] + [-ама] → къачузма

[-з] → [-ди] → къачуди

2 мотивированные формы с *-й*:

[-з] + [-ава] + [-й] → къачузвай

[-з] + [-ама] + [-й] → къачузмай

III сектор круга *[-да]* – 1 выводимая форма с *-й*:

[-да] + [-й] → къачурай

1 мотивированная форма с *-р*:

[-ди] + [-р] → къачудир

IV сектор круга [-на] – 2 выводимые формы:

[-на] + [-ава] → къачунва

[-на] + [-ама] → къачунма

2 мотивированные формы с -й:

[-на] + [-ава] + [-й] → къачунай

[-на] + [-ама] + [-й] → къачумай

V сектор круга [-а] – 1 выводимая форма с -а:

[-р] → [-а] – къачур → къачура

[-ай] → [-а] – тIьур → тIьура

[-ей] → [-а] – фейи → фея

В поле темпоральности элементы -ава, -ама, -й, -а грамматикализируют представление о характере протекания действия в том или ином временном плане. Вторичные производные формы (-ава, -ама, -авай, -амай) указывают параллельную соотнесенность в настоящем.

Примеры в тексте.

Гъа и йисара мадни са карди зи рикIел гел туна. [Гъ.Къурбан]. – В эти годы еще одно дело оставило след в моем сердце.

Зур сятдилай лезгиярни амай дагъустанвияр вири са жергеда акъвазна. [Жур. «Самур»] – Через полчаса лезгины и остальные дагестанцы все встали в одну шеренгу.

Геждалди руш адаз килигна, лап геждалди. [Я.Яралиев] – Долго глядела девушка на него, очень долго.

«Савкъат» ктабда Алуван Шагъэмировадин эхиримжи йисара теснифнавай шиирар гъатнава. [Газ. Лезги газ.]. – В книгу «Подарок» вошли стихи, написанные Алуван Шахэмировой в последние годы.

Багъишламиша, хтул, зун жувакай гзаф рахазва лугъуз. [М.Шихвердиев] – Извини, внук, что я о себе много говорю.

Зани гъакI фикирзава, – галай юлдаширин гафарал къул чIугвадай яшлу дояркади. [Газ. Лезги газ.]. – Я тоже так думаю, – поддерживала слова своих подруг пожилая доярка.

Рухваярни чIехи жезва: абуру гъар нянрихъ чпин дах, Рагъим, варцин вилик гуьзлемишзава. [Къ. Мирзоев]. – И сыновья растут: каждый вечер они своего отца, Рагима, ждут у ворот.

Несмотря на различную технологию описания, в организации темпоральных глагольных форм лезгинского и английского языков можно обнаружить сходные моменты:

1. Темпоральные формы сравниваемых языков представляют в каждом единство видовременных значений.

2. Сравнимые языки обладают большим набором видовременных форм, функционирующих в плане настоящего, прошедшего и будущего.

3. Вектор направленности действия во времени идентичен в сопоставляемых языках:

– от прошлого через настоящее к будущему.

Темпоральные формы глаголов в том и другом языках имеют маркеры характеристики длительности, завершенности/незавершенности действия.

5. Для сравниваемых языков возможна оппозиция длительность/недлительность:

- лезгинский язык: *форма на [-з]/форма на [-на]*;
- английский язык: *прич. + наст. время вспом. глагола*.

6. Для английского языка характерна оппозиция завершенности/процессности, для лезгинского языка характерна оппозиция статики/динамики прочеса, состояния.

Отметим следующие различия.

1. В английском языке формы актуального презенса маркированы по сравнению с неактуальными. В лезгинском языке используется одна и та же форма настоящего времени: [-з] + *ава, ама*.

В плане прошлого глагольные формы лезгинского языка обладают дробной классификацией. Это обусловлено отсутствием согласования в глагольных формах. Лезгинский глагол способен формально маркировать предшествование с помощью аффикса *-й*: *ава/авай* (большая определенность по времени к моменту речи по отношению к говорящему). Английский язык использует свои особенности согласования видовременных форм.

2. Английский язык чаще, чем лезгинский, способен нести модельные оттенки значения с помощью глагольных форм в плане будущего.

3. В английском языке дифференцированы во временных планах индефинитные и длительные глагольные формы. В лезгинском языке дифференциация затрагивает лексико-грамматические способы преобразования темпоральных грамматических форм.

4. Аналитические видовременные глагольные формы лезгинского языка отличны по значению и функционированию от видовременных глагольных форм английского языка.

Выводы по первой главе. Концептуальное время может быть описано посредством универсальных семантических признаков, выделенных путем анализа имеющихся представлений о времени как в обыденном, так и в теоретическом знании. К числу этих признаков могут быть отнесены: соотношенность действия с длительностью и кратностью. Первый два признака квалифицирует положение действия относительно временных маркеров, последний характеризует способ протекания и распределения действия на оси времени.

Темпоральная оценка события осуществляется через комбинаторику указанных семантических признаков времени, составляющих темпорально-понятийные комплексы. Они представляют собой понятийную основу, отражающую все многообразие временного варьирования событий. Язык использует функционально-коммуникативную значимость темпоральных комплексов в описании сообщений о разных ситуациях. В лингвистике формируется парадигма знаний о том, как организуется, обрабатывается и передается информация с помощью языковой и коммуникативной компетенции участников речевого акта, что меняет методы исследования материала.

Координацию маркеров речевого акта с позиции говорящего можно раскрыть, используя наборы признаков темпорально-понятийного комплекса. Он служит понятийной основой многообразия представлений о временном варьировании ситуации на онтологическом и логическом уровнях. Систематизация сведений о комплексах темпоральности совместима, если не обращаться к полемому строению темпоральности в лезгинском языке.

Членимость времени на настоящее, прошедшее, будущее присутствует в сопоставляемых языках. Векторный принцип построения временной триады в логике разносистемных языков передается отношениями одновременности, следования, предшествования. Это универсальные понятийные категории, которые наряду с видом, модальностью и залогом несопоставимы друг с другом в разносистемных языках. Общим для них является упорядоченность следования временных форм глаголов в речевых актах.

И в лезгинском, и в английском языке описание временных рамок глаголов требует учета следующих признаков: а) членимость времени в контексте речевого акта; б) морфологии и лексики в конструкциях языка, используемых в речевом акте; в) особенностей маркирования темпоральности во временных глагольных формах.

При этом темпоральность в общем (концептуальном) плане описывается универсальными признаками длительности, целостности и предела. Первый и второй признак в сочетании маркируют положение дел (ситуацию) в речевом акте на оси времени. Вторым и третьим признаком в сочетании маркируют способ протекания действия, дополняемый категорией времени и категорией вида.

Если в английском языке темпоральность упорядочена отношением предшествования (координативная темпоральность), то в лезгинском языке ведущими являются видовременные показатели формы и содержания глаголов (некоординативная темпоральность), передающие статику и динамику действия, т.е. возможные сообщения о внешней ситуации.

Глава 2. Взаимодействие темпоральности, аспекта, способа действия при преобразовании в глагольных формах. Во второй главе затронут широкий круг вопросов, касающихся теории аспектологии в общем языкознании, в теоретической грамматике английского языка, в исследованиях парадигмы глагольных форм, которые проводили исследователи лезгинского языка. Узловые вопросы описания семантики вида в английском языке в нашей работе представлены традиционно как оппозиция форм Continuous формам Non Continuous. Основное внимание уделяется описанию видовых оппозиций в лезгинском языке. Поскольку оно выполняется впервые, требуется не только привлечь обширный практический материал, но и раскрыть методику его описания. Описание категории вида предполагает опору на противопоставление рядов грамматических форм глаголов. Центр противопоставления в русском языке составляют пары единиц совершенного и несовершенного вида (НСВ/СВ: брать/взять). Термины традиционны и обусловлены семантикой предельности/непредельности, т.е. инвариантом значения грамматической

категории вида. Между тем противопоставление СВ/НСВ нельзя отождествлять с видовыми оппозициями ни в английском, ни в лезгинском языках. (О.А. Ахманова называет более десяти разнообразных семантических определений вида, отграниченные от поля темпоральности и от категории способа действия). Язык «свертывает» в категории вида признаки, разные по своим функциям, передавая информацию о распределении действия (кратность, итеративность, точечность, интенсивность и т.д.). В истории исследования категории вида в английском языке есть несколько этапов становления. На разных этапах исследования глагольных форм английского языка ученые отмечали различие между законченностью/ незаконченностью действия (... *was written a letter*, но: *he wrote a letter*), различие между однократностью и многократностью (*totter* <вырастать>, *chatter* <болтать>, *babble* <ленетать>), различие между устойчивостью и изменчивостью (*have* <иметь>, но: *get* <получать> и т.д.). Аспектологи в наши дни выделили в этих различиях общность смысловых преобразований, обозначив их тремя терминами: а) вхождение в состояние – *fall in love with* <влюбиться>; б) нахождение в состоянии – *be in love with* <быть влюбленным>; в) выход из состояния – *fall out of love with* <разлюбить>.

В каждом конкретном высказывании присутствует при вербализации выбор форм Continuous или Non Continuous, чтобы донести информацию о содержании действия в целом. Грамматическое различие вида сопряжено с различием лексическим. [Ср.: *I think(so), I am thinking, I imagine, I am imagining* – я считаю <думаю>, я размышляю <думаю>, я представляю, я воображаю]. Исследователи глагольных форм английского языка вынуждены признать, что в них наличие категории вида базируется на понимании временного предела действия. [Ср.: *he was coming* \equiv (-) предел, но: *he come in the evening* \equiv (+) предел]. Получается, что основное понятийное содержание предела заключено не в отдельной глагольной форме английского языка, а в соположенности видовременных глагольных форм. Категорию вида содержат предикативные формы глагола, а также инфинитив. В диссертации рассматриваются точки зрения различных ученых [А.И. Смирницкий, А.В. Бондарко, М.С. Бархударов, М.Я. Блох, В.В. Гуревич, В. Heine, O. Dahl и др.], которые по-разному интерпретировали соотношение между СВ/НСВ и перфектом/имперфектом в английском языке. В своих исследованиях ученые выделяют различные комбинации пар и цепочек глагольных форм, параллельно сопоставляя их со способом выражения СВ/НСВ, констатируя, что нет адекватного членения плана выражения и плана содержания глагольных форм. Категория вида охватывает те ярусы лексики и грамматики, которые имеют не только функциональное различие, но и функциональное сходство, допуская синонимические замены, выступающие как особого рода фразеологические единицы. [Смирницкий 1959]. [Ср.: *smoke*, но: *have smoke*]. Предельность/непредельность действия покидает сферу грамматики, перемещаясь в область нормативности лексической сочетаемости глагольных форм.

Совокупность видовременных форм английского языка в парадигме глагола позволяет заметить следующее:

1) категории вида, времени и временной отнесенности, пересекаясь в различных областях грамматики и лексики, образуют 4 группы форм и 4 разряда: неопределенный, длительный, перфектный, перфектно-длительный;

2) бинарная оппозиция длительных форм, показывающих действие в его развитии и форм недлительных, не обладающих специфическим значением предела, образуют грамматическую видовую оппозицию, отдельную от категории времени;

3) современный английский язык строго разграничивает область употребления перфекта и длительных временных форм. Нередко граница между ними проходит между разными употреблениями и разными значениями одного и того же глагола. Эти явления не маркированы формально, но присутствуют в системе языка, в том смысле, что каждый ситуативный тип обладает своим дистрибутивным свойством. Выделяются следующие типы:

- состояния, статические и дуративные (*know the answer, love Mery*);
- процессы, динамические, дуративные, не стремящиеся к достижению предела (*laugh* <смеяться>, *walk in the park* <гулять в парке>);
- осуществления, динамические, дуративные, стремящиеся к достижению предела (*build a house* <строить дом>, *walk to school* <ходить в школу, идти пешком в школу>);
- семейфактивы, динамические, не стремящиеся к достижению предела, мгновенные (*lap, flap* <хлопать, шлепать>);
- достижения, динамические, стремящиеся к достижению предела, мгновенные (*win the race, reach the top*).

Видовые оппозиции в лезгинском языке представлены как разновидности преобразований глагольных форм (морфологических, морфолого-деривационных, деривационных лексико-грамматических). Каждый тип преобразований рассматривается как интеракция семантики грамматики и лексики. Рассмотрение видовых оппозиций в парадигме глагольных форм лезгинского языка проходит по следующим направлениям: а) отграничение категорий вида от категорий времени; б) отграничение категорий вида от категорий способа действия; в) определение статуса категории вида через связи и отношения между инвариантными значениями граммем СВ/НСВ.

Термины СВ/НСВ применяются при характеристике глагольных форм, свойства которых раскрываются в контексте однокоренных лексических единиц. [Например: *шуйткъуьн* <мяться>, *шуйткъуьрун* <мять>, *шуйткъвер* <морщина>, *шуйткъверартун* <морщиться>, *шуйткъвен* <мятый> и т.д.]. Свойства глагольных форм могут быть противопоставлены и выявлены при сопоставлении семантики вида и лексико-грамматического разряда способа действия. [Ср.: *аял тухун* <носить ребенка>, *но: къенез тухун* <затащить внутрь>].

Термины перфект/имперфект используется при описании морфологической оппозиции флективного типа. В лезгинском языке

регулярно противопоставляются пары глагольных форм на *-з* и *-на* (*марф акатзава* <дождь идет> – *марф акатнава* <дождь пошел, начался>). Темпоральная локализация маркируется вспомогательным глаголом *ава*, а маркером категории вида становятся аффиксы *-з* и *-на* в словоформе глагола. Анализ материала лезгинского языка убеждает, что организация видовых оппозиций отлична от функционирования категории способа действия и от организации поля темпоральности. Категория вида образует свойственные ей отношения между словоформами одного глагола (ср.: *хуьре ван гьатна* <в селе поднялся шум> и *кьиле ван гьатнава* <в голове шумит>). Пара сопоставляемых глагольных форм передает в совокупности ситуацию *ван гьатун* <шуметь>. У ситуации различные внешние и внутренние для языка характеристики. Соотношение между морфологией глагольных словоформ не позволяет говорить о прямой выводимости их формы и значения, когда взаимодействуют категории времени, вида, способа действия. При этом информация о семантике вида может быть нулевой (0), положительной (+), отрицательной (–). Шкала семантики категории вида представлена схематично как 4 позиции:

Схема 2.

0	+	–	0
I	II	III	IV

Это динамика преобразования семантики категории вида. Позиция I принадлежит масдару. В ней нулевая информация о семантике вида. Позиция II отведена формам с аффиксом *-на*. Это перфектные формы с выраженной (+) информацией о завершенности, конкретно-процессной или конкретно-фактической фазе действия. Формы с элементом *-на* сопряжены с аористом и причастием совершенного вида. Позиция III занята формами с элементом *-з*. Они несут информацию о незавершенности действия (–) в смысле глагола. Форму с элементом *-з* традиционно называют целевой. Фактически это причастие несовершенного вида. Позиция IV свойственна формам с элементом *-да*. Они несут нулевую (0) информацию о перфективности/неперфективности в семантике глагола, когда называемое действие, состояние обращено в будущее. Тем самым нулевой показатель оказывается совмещенным с позицией масдара, но занимает в общей схеме формально иное место. Адекватным обозначением полевой структуры видовой оппозиции морфологического флективного подвида мы считаем круг, в котором разграничены позиции глагольных форм. (См. рис.3)

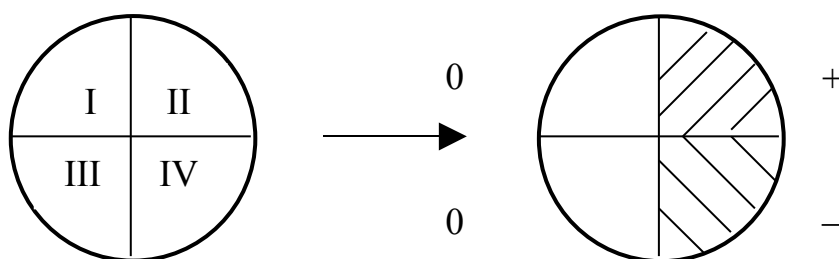

Рис.3. Полевая структура флективной видовой оппозиции.

Графически сектора I-IV расположены по часовой стрелке на оси реального времени: от исхода к настоящему, прошлому, будущему. По-разному заштрихованные зоны в ядре полевой структуры обозначают позиции с маркерами перфектности (+) в семантике глагольных форм и позиции с маркерами имперфектности (-) в семантике глагольных форм (соответственно, формы с элементом *-на* или с элементом *-з*).

Отметим, что схемы и рисунки, воспроизводящие модель видовых оппозиций, статичны и не в состоянии отразить динамику отношений лексики и грамматики в смысле глагольной словоформы (например, в русском языке: <он мертв> – фокусируется внимание на настоящее состояние как результат действия в прошлом: <он умер>).

Подобные ситуации возможны и в лезгинском языке.

– Гада шегъердиз фена:	Сын поехал в город	(В настоящем фиксирован результат действия).
– Ам накъ хъфена:	Он уехал вчера	(Фиксирован результат действия в прошлом).
– Руш гъульуькай хъфена:	Дочь ушла от мужа	(Настоящее состояние фиксировано как результат события в прошлом).

Противопоставление перфект/имперфект выявлено М.Е. Алексеевым [1985: 75] в пралезгинском глаголе. В современном лезгинском языке, по мнению автора, она сохраняется в противопоставлении основ совершенного вида (терминатив) и основ несовершенного вида (дуратив).

Таблицы глагольных форм, приведенные выше, в известной степени подтверждают точку зрения М.Е. Алексеева. Таблицы позволяют выявить две тенденции:

а) сближение исходных основ масдара и перфекта, отличных от основы форм с аффиксом *-з* (имперфект):

<i>масдар</i>	<i>перфект</i>	<i>имперфект</i>
<i>аку-н</i> <видеть>	<i>аку-на</i>	<i>аква-з</i>
<i>акъу-н</i>	<i>акъу-на</i>	<i>аква-з</i>
<ударяться о что-либо>		

б) сближение исходных основ масдара и имперфекта, отличных от основ форм с аффиксом *-на* (перфект):

<i>масдар</i>	<i>имперфект</i>	<i>перфект</i>
<i>ацIу-н</i> <наполняться>	<i>ацIу-з</i>	<i>ацIа-на</i>
<i>вахгу-н</i> <возвращать>	<i>вахгу-з</i>	<i>вахга-на</i>
<i>вегъи-н</i> <кидать>	<i>вегъи-з</i>	<i>вегъена</i>

В общем плане расхождение основ не всегда однозначны. Масдар, перфект и имперфект могут иметь одинаковые морфемы исходной основы:

<i>масдар</i>	<i>перфект</i>	<i>имперфект</i>
<i>вахгу-н</i> <брать обратно>	<i>вахгу-на</i>	<i>вахгу-з</i>

Исходные основы глагольных форм могут иметь расхождения морфонологического плана:

<i>масдар</i>	<i>перфект</i>	<i>имперфект</i>
<i>хкягъун</i> <выбирать>	<i>хкяна</i>	<i>хкайиз</i>

Порою только исходная форма масдара несет морфологические различия:

<i>масдар</i>	<i>перфект</i>	<i>имперфект</i>
<i>хуру-н</i> <ткать>	<i>хра-на</i>	<i>хра-з</i>

Возможно абсолютное несовпадение исходных основ:

<i>масдар</i>	<i>перфект</i>	<i>имперфект</i>
<i>хъу-н</i> <быть>	<i>хъа-на</i>	<i>жез</i>
<i>къин</i> <умереть>	<i>къе-на</i>	<i>рекъи-з</i>

Приведенные факты позволяют уточнить положение, согласно которому семантика вида сохраняется и в основах вторичных форм, и в основах форм, от которых они образуются.

Очевидно, полевая структура вида свидетельствует не о выводимости формы и содержания глагольных словоформ, а об их мотивированности, сосуществование в плане синхронии, где у каждой грамматической формы есть своя сфера функционирования.

Организация морфологической флективной оппозиции отличается от организации морфолого-деривационной оппозиции в поле аспекта. Первая статична, а вторая предполагает динамику преобразования глагольных форм.

В нашем исследовании она представлена как последовательность деривационных шагов, ведущая к воспроизводимому преобразованию форм глаголов. Например, повторный способ действия представлен последовательностью деривационных шагов как цепь преобразований <вид – способ действия – время>. Несколько аналогичных примеров:

<i>вид ></i>	<i>способ действия ></i>	<i>время</i>
	<i>повторный</i>	
<i>тухвана – тухузва</i>	<i>хутахун <</i>	<i>хутахна/перфект</i>
<i>СВ НСВ</i>	<i>тухун</i>	<i>хутахазва/имперфект</i>
<i>масдар: тухун</i>		
<i><носить></i>		
<i>фена: физва</i>	<i>хъфин <</i>	<i>хъфена/перфект</i>
<i>СВ НСВ</i>	<i>фин</i>	<i>хфизва/имперфект</i>
<i>масдар: фин</i>		
<i><идти></i>		

Повторный способ действия в форме глагола может быть выражен с помощью морфолого-деривационного преобразования формы глагола (*хъфин < фин и др.*). Он является морфемно характеризованным в поле темпоральности лезгинского языка.

Повторный способ действия в семантике глагольных форм несет информацию о длительности или о многократности. Эти категории лезгинского глагола представлены в парадигме глагольных форм. Не все исследователи лезгинского глагола признают длительность особой глагольной формой. [Талибов 1966, Топуриа 1959, Гайдаров 1985, Шейхов 1980]. Особый статус грамматической формы глагола с показателями длительности действия отмечен в монографии К.Р. Керимова [2002]. Возникает повод для обсуждения. Семантика длительности связана с наличием в глагольной форме вспомогательного элемента *-ама*. Он присоединяется и к формам с аффиксом *-на* и к формам с аффиксом *-з* (*килигна – килигнава <посмотрев, находится>, рахазва – рахазма <говорит, все еще говорит>*). Динамику взаимоотношений категорий вида, времени и способа действия можно передать следующим образом:

		<i>время</i>	<i>вид</i>	<i>способ действия</i>
<i>къун</i>	<i>ксанма</i>	<i>настояще/</i>	<i>СВ/НСВ</i>	<i>непредельность</i>
<i><спать></i>		<i>прошлое</i>		

Дробная классификация категорий вызвана семантикой самого вспомогательного *-ама*. Она фиксирует непредельность способа действия (все еще...). Глаголы с уточненной семантикой длительности действия обладают собственной словообразовательной потенцией.

Многократность способа действия и видовая оппозиция в формах глагола представлена в лезгинском языке несколькими приемами деривации:

- 1) *масдар во мн.ч. + аффикс -ун (амукъун <падать> – амукъарун <валить с ног>);*
- 2) *имя сущ. во мн.ч. + аффикс -ун (субут + ар +ун <доказывать>);*

3) глагол + аффикс *-ар-* (илифун <заходить в гости> – илифарун <звать на обед>).

Множественность действия в лезгинском языке передается и в формах сложных глаголов. В паре «исходная форма → производная форма» глагола вторичная единица отмечена аффиксом *-р-*: *фикир* <мыслить> – *фикирар авун* ≡ *фикирарун* <размышлять>. Б.Б. Талибов называл подобные образования сложными глаголами. Аффикс *-ар-* вносит в глагол качественную характеристику способа действия, т.е. в акте деривации предполагается, что глагол полностью охватывает объект действия: *тариф* <хвала> – *тарифар авун* ≡ *тарифарун* <много хвалить, расхваливать>. Динамика преобразований глагольных форм представлена схемой:

Схема 3.

<i>способ действия</i> >	<i>время</i> >	<i>вид</i>
<i>перфект: Ø</i>	<i>план настоящего</i>	<i>НСВ</i>

Изложенные аргументы позволяют отнести деривационные типы (повторности, множественности, длительности) к характеристике преобразований форм глагола категории способа действия, ее мерности. Мерность тесно связана с семантикой вида и времени.

Морфолого-деривационная и морфологическая флективная оппозиция по-разному представляет взаимодействие категорий вида, времени, способа действия при преобразованиях глагольных форм. В качестве опоры используются одни и те же маркеры имперфекта (форма на *-з*) и перфекта (форма с аффиксом *-на*). Каждое из преобразований глагольной формы несет свое взаимодействие категорий вида, времени, способа действия. Ряд схем преобразований глагольных форм (соотношение порядка следования показателей способа действия, времени и вида) в процессе деривации дает наглядное представление об особенностях реализации видовых оппозиций в лезгинском языке. В диссертации проведен структурный анализ таких преобразований и представлен алгоритм перехода от одной словоформы к другой как упорядоченной последовательности цепи из разных последовательных звеньев деривации. Видовые оппозиции выражаются не только при комплексном, но и при циклическом преобразовании глагольных словоформ. Подобный факт ускользает от внимания исследователей, и поэтому не «лежит» на поверхности анализируемого материала.

Описание преобразований форм сложных глаголов со вспомогательными *авун* и *хьун* позволило найти дополнительные критерии разграничения семантики категорий вида и способа действия в лезгинском языке.

Оказалось, что сложные глаголы лезгинского языка способны передать информацию о процессе, состоянии и вхождении в определенное состояние, меняя вспомогательные глаголы *авун* и *хьун* в своем составе. Сравним: *тафаватлу авун* <отличать>, но: *тафаватлу хьун* <отличаться>. Очевидно, подобное явление связано с целеполагающей деятельностью говорящего, оно находит свое выражение в правилах выбора глаголов *авун* и *хьун*, оформляющих сложное глагольное образование. Анализ большого количества примеров подтвердил данное предположение. Приведем

характерный пример: *кукIун* <скандал> – *кукIунар* <скандалы> – *кукIунар авун* <скандалить>. Форма **pl.** для существительного лексически сочетается со вспомогательным глаголом *авун* при образовании сложного глагола, обозначающего по смыслу конкретно-процессную ситуацию (имперфект). Иное условие реализуется при формировании сложного глагола со вспомогательным *хьун*: *лакI* <пятно> – *лакI хьун* <быть пятнистым>. Сложное глагольное образование характеризует состояние и нахождение в определенном состоянии. Присутствие глагола *хьун* маркирует становление ситуации, а сложный глагол указывает на ее временную протяженность (*цаз* <шип> – *цаз-цаз хьун* <щетиниться, стоять дыбом>). Следовательно, семантика способа действия взаимодействует с аспектуальным видением ситуации говорящего на лезгинском языке. Существует зависимость между формой и содержанием исходного слова и семантикой глаголов *авун/хьун*, которые входят в состав сложного глагола. Если содержательно глаголом обозначается вхождение в новое состояние, то формально в сложном глаголе может присутствовать только вспомогательный глагол *хьун* (*баябан* <безлюдный> – *баябан хьун* <пустеть>). Отмечено, что аспектуальная характеристика ситуации у сложных глаголов может быть выражена (+), не выражена (0), иметь отрицательную оценку (–). Поэтому видовая оппозиция в сфере сложных глаголов отличается по мотивации ее лексико-грамматических подвидов. Семантика видовых оппозиций сложно организована в парадигме форм лезгинского глагола.

Заключение. В диссертации исследованы преобразования видовременных форм глаголов лезгинского и английского языков, что включает ее в тематику исследований контрастивной аспектологии и акциональности, разрабатываемых в русле функциональной грамматики.

Теоретическая грамматика в наши дни пополнилась монографиями, в которых убедительно доказано наличие категории вида в парадигме глагольных форм лезгинского языка. В них категория вида выявлена на основе сопоставления парадигмы глагольных форм лезгинского языка с парадигмами глагольных форм русского и английского языков. Исследования, проведенные К.Р. Керимовым и Н.С. Алипулатовой, представили видовые оппозиции лезгинского языка через семантику и функционирование категорий темпоральности, вида и лексико-грамматического разряда способов действия. Категория вида вышла за пределы парадигмы форм отдельного глагола, что позволило расширить контекст ее рассмотрения.

Оказалось, что парадигма глагольных форм содержит видовые оппозиции, отличные и от поля темпоральности, и от семантики способа действия. Данный тезис нашел свое подтверждение при описании морфологических оппозиций различной разновидности (морфологических, деривационно-морфологических, лексико-грамматических). Описание форм глагола реализуется за счет анализа статики и динамики их преобразования. Это позволило разграничить ряд языковых явлений:

- мотивированность и выводимость свойств глагольных форм в контексте их использования;
- упорядоченность (иерархию) взаимодействия категорий вида, времени, способа действия при преобразовании парадигмы глагольных форм.

Оказалось, что иерархия отношений между названными категориями обусловлена прагматикой речевой деятельности носителей языка. В лезгинском языке существует алгоритм взаимодействия вышеназванных категорий, регламентирующего преобразование глагольных форм.

Намеченные нами подходы к описанию взаимодействия категорий вида, времени, способа действия при преобразовании глагольных форм могут быть подтверждены или опровергнуты при дальнейших исследованиях аналитических форм лезгинского глагола, в частности, при описании параллельных и последовательных деривационных шагов, при исследовании синонимии в сфере глагола.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

1. О морфологических формах деепричастия в лезгинском языке // Вестник ПГЛУ. №4. – Пятигорск, 2008. – С. 19-21.

2. Темпоральный комплекс глагольных форм лезгинского языка // Языки народов мира и Российской Федерации. – Махачкала: ДГУ, 2008. – С. 16-21.

3. Типы видовой оппозиции в лезгинском языке. Флективная видовая оппозиция // Языки народов мира и Российской Федерации. – Махачкала: ДГУ, 2008. – С. 21-26.

4. Роль теории в практике исследования материала разносистемных языков. // Гуманитарные науки: Новые технологии образования / Материалы XIII Региональной научно-практической конференции 15-16 мая 2008 – Махачкала, 2008. – С. 59-61.

5. Глаголы, обозначающие количественную характеристику способа действия. // Модернизация образования. Научно-методический журнал. №1. – Махачкала, 2008 г. – С. 81-84.

6. О причастных формах лезгинского языка // Язык в пространстве современной культуры. / Материалы международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2008 г. – С. 62-66.